

Чингиз
АБДУЛЛАЕВ

Третий
ВАРИАНТ

ЭКСМО

Левша

Чингиз Абдуллаев

Третий вариант

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Третий вариант / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (Левша)

Сколько существует вариантов, если подбросить монету?' Два - орел или решка? Нет! Монета может еще, и встать на ребро. И таков - Третий вариант...
Сколько существует вариантов, если прошедшему ад `интернационального долга` афганскому ветерану предложено найти человека, похитившего огромные деньги у московской бизнес-элиты и бесследно исчезнувшего за границей? Отказаться от смертельно опасного задания - или выполнить его? Нет... Существует - опять же - Третий вариант. Третий вариант - для человека, способного просчитать ситуацию на десятки ходов вперед. Третий вариант - для человека, умеющего рисковать...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5 За шесть месяцев до событий	20
ГЛАВА 6	23
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чингиз Абдуллаев

Третий вариант

Любая мафия порождает страх, но и сама порождена страхом.
Жильбер Сесброн

ГЛАВА 1

За семь месяцев до событий

Уходить от преследования всегда лучше, имея конкретный план. Когда его нет, приходится действовать импульсивно, импровизируя на ходу, что часто приводит к ошибкам.

Он выстрелил еще раз в мелькнувшее лицо. Кажется, не попал. В темноте очень трудно разобраться, куда бежать. Нужно хотя бы приблизительно ориентироваться на этом старом заброшенном заводе, где его так глупо подставили. Он тяжело вздохнул, рукавом вытер пот с лица. В правой руке – пистолет с оставшимися четырьмя патронами, в левой – тот самый чемоданчик, который им так нужен. Судя по всему, на этот раз они подготовились неплохо. И теперь собираются захлопнуть ловушку. Он может отсюда и не выбраться.

Внезапно где-то наверху загорелся свет. Видимо, включилось аварийное освещение. Оттуда послышался крик:

– Анвар, у тебя нет никаких шансов! Выходи на площадку и отдай нам чемодан. Может, тогда мы оставим тебя в живых.

Он облизнул губы. Не узнать этот голос было невозможно. Скорее можно верить ядовитой змее или голодному шакалу, чем этому человеку. Нет, живым они его отсюда не выпустят. Тем более после того, как он уже убил или ранил двух преследователей. Но как выбраться с этого завода? Здесь почему-то так холодно, хотя на дворе настоящая весна.

Раздалось несколько выстрелов. И снова крик:

– Анвар! Ты слышишь нас?! Тебе отсюда не уйти. Кончай прятаться! Мы все равно тебя найдем! Отдай нам груз.

Он посмотрел на свой чемоданчик. В нем десять килограммов наркотика. Того самого наркотика, который в Европу отправляют только в переработанном виде. Килограмм такой массы стоит больше десяти тысяч долларов. Значит, сейчас в его руках сто тысяч долларов. Это очень большие деньги. Если он, конечно, сумеет отсюда уйти. А если не сумеет?

Наверху послышался какой-то шум, и помещение заводского цеха осветилось еще одним прожектором. Внизу, на площадке, замелькали фигуры людей. Анвар опять облизнул губы и, прижавшись к холодной металлической стойке, попытался сосчитать, сколько теней там мелькает. Получалось много. Очень много. Это его озадачило.

У Рахима, который находится на башенном кране и кричит оттуда, отдавая команды, никак не больше десяти человек. Это если он соберет всех своих боевиков. А внизу людей не меньше тридцати. И еще слышны голоса снаружи. И это из-за каких-то тысяч сюда примчалась целая армия? Анвара прошиб холодный пот. Дело совсем в другом. Тогда в чем? Он осторожно отступил вглубь, за металлические конструкции, стараясь не выходить из тени. Дальше, еще дальше. Люди внизу обшаривали каждый закуток. На свету ярко блеснули погоны. Анвар испуганно охнул. Сотрудники милиции. Господи, только этого не хватало. Значит, за ним охотятся и люди Рахима, и сотрудники милиции. Что же еще такого в этом проклятом чемоданчике, если из-за него они устраивают форменную облаву?

Он отступил еще дальше и присел на корточки. Стараясь унять дрожь в пальцах, попытался открыть чемоданчик. Конечно, он заперт на код и его невозможно так просто открыть.

К тому же мешал пистолет. Он положил его на холодный металлический пол, рядом с собой. Снова попытался открыть. Замок не поддавался. Разозлившись, он достал нож, чтобы открыть чемоданчик с его помощью. Опять неудача. Послышались чьи-то торопливые шаги, и он быстро схватил пистолет. Все-таки интересно, что лежит в чемоданчике? Он думал, это обычная партия наркотиков, с которой можно скрыться. Но хорошо организованное преследование, участие такого количества людей свидетельствовали, что он ошибся. И теперь ему очень хотелось взглянуть на содержимое чемоданчика. Шаги между тем совсем близко. Стрелять нельзя, и потому он, поднявшись, осторожно перебрался за наваленные в кучу в конце пролета металлические стержни.

Мимо пробежал кто-то из преследователей. Он тоже был в милицейской форме. Наверху загорелся еще один прожектор, и противный голос Рахима снова загремел, отражаясь эхом среди металлических конструкций:

– Я даю тебе последний шанс, Анвар! Выйди к нам, иначе через пять минут ты будешь трупом! Тебе отсюда не уйти. Не уйти ни за что! Подумай лучше и прими мудрое решение.

Очень хотелось ответить. Но крикнуть что-нибудь обидное означало выдать себя. Анвар подумал: если ему удастся уйти отсюда живым, он всю оставшуюся жизнь будет верующим человеком. Близких шагов не было слышно, и он снова присел на корточки, пытаясь открыть чемоданчик. Достав нож, он с силой, которую придают человеку экстремальные обстоятельства, надавил на крышку. Послышался треск, защелка лопнула, и чемоданчик открылся.

К ужасу Анвара, в нем не было привычных пакетов с белым порошком. В чемоданчике лежали папки с бумагами. Он мучительно застонал: как все глупо получилось. Здесь лежат какие-то документы. Именно в тот момент, когда он решил скрыться с наркотиками, которые он всегда перевозил как курьер, ему подсунули какие-то бумаги. И ради этих бумажек его готовы разорвать на части. Как все это глупо. Они ищут документы и ни за что не успокоятся, пока не найдут их. А если даже найдут, то обязательно уберут такого опасного свидетеля, как он. «Ну уж нет, – зло подумал Анвар. – Они не получают этих документов».

Он закрыл чемоданчик и решительно встал. Подумав немного, вдруг улыбнулся. Кажется, у него появился шанс на спасение. Просто для этого нужно выбрать более удобную позицию. Из-за сломанного замка чемоданчик не закрывался, и его приходилось придерживать пальцами левой руки. Пистолет по-прежнему был в правой.

Анвар огляделся и осторожно пошел к лестнице. На его уровне никого не было. Добравшись до лестницы, он опять оглянулся. Теперь самое главное – четко сделать то, что он задумал. Глубоко вздохнув, он стал подниматься. И вдруг замер. Сверху кто-то спускался. Спрятаться негде, отступать поздно, да и некуда – внизу боевики Рахима, продажные милиционеры, пригнанные сюда в таком количестве.

Он решительно поднял пистолет и, когда неизвестный появился на его пролете, выстрелил. Человек со страшным криком полетел вниз. Снизу слышались крики, грохнул выстрел. Один, другой. Он выстрелил снова, на этот раз влево, откуда уже бежали двое, и решительно полез вверх. Положение осложнялось. Его наконец обнаружили.

Задыхаясь, оглядываясь по сторонам, он влез на новый уровень и, прислонившись к стене, закричал: – Рахим! Это я, Анвар! Я хочу с тобой поговорить!

В ответ слышались ругательства, новые выстрелы. Он втянул голову в плечи. Все стихло, потом зазвучал усиленный динамиками голос Рахима:

– Ты принял мудрое решение, Анвар. Спускайся вниз, мы тебя ждем.

– Нет! – хрипло ответил Анвар. – Вы меня не поняли! Я не сдаюсь, я просто хочу с тобой поговорить.

Очень хотелось пить, но воды рядом не было. И в магазине пистолета оставалось всего два патрона. Последний патрон – спасительное средство от мучений, коим он будет подвергнут, если попадет живым в руки Рахима.

– Нам не о чем разговаривать, Анвар! – снова отразился эхом голос Рахима. – Спускайся и отдай груз.

– Здесь нет никакого груза! – заорал на все помещение Анвар. – Здесь ничего нет. Вас обманули. Мне дали чемоданчик с какими-то документами. У меня нет ни грамма вашего вонючего порошка.

Наступило молчание. Снизу не доносилось ни звука. Наконец раздался чей-то другой голос, более серьезный и более резкий:

– Где документы? Что ты с ними сделал?

– Они у меня, – крикнул Анвар. – Но если меня отсюда не отпустят, я их просто сожгу. Или порву.

– Что ты хочешь? – снова спросил тот же голос.

– Уйти отсюда. А документы я отдам. Мне они не нужны.

– Спускайся вниз, – разрешил голос, – и уходи. Тебя никто не тронет. Только отдай нам документы.

– Нет, – улыбнулся пересохшими губами Анвар, – так не пойдет. Поднимайся ко мне сам. И я отдам тебе документы. Иначе я сожгу их и твои ребята не успеют до меня добраться.

Наступило долгое молчание. Анвар торопливо вытащил из папки лист бумаги, лежавший сверху, и щелкнул зажигалкой. Бумага медленно, словно нехотя, загорелась, и он бросил ее вниз. Оттуда послышался настоящий рев негодования.

– Стой! – прокричал тот же голос. – Остановись, я иду к тебе.

Анвар усмехнулся, но не стал больше щелкать зажигалкой, только предупредил:

– И поднимайся один, иначе я подожду все бумаги.

Далеко внизу послышались шаги. Анвар знал: верить этим мерзавцам все равно нельзя. Он, снова открыв чемоданчик, торопливо пересчитал лежавшие в нем папки. Четыре. Быстро достав несколько первых листов из второй папки, затем из третьей и из четвертой, он сложил их вместе. Осмотрелся по сторонам. Кажется, вон там какое-то отверстие. Сунул руку – точно, небольшое углубление в металлической конструкции. Очевидно, здесь раньше работал подъемник. Он свернул бумаги и сунул их в углубление. Провел рукой, придавливая. Теперь ничего не видно. Но отсюда нужно уходить, иначе они догадаются, куда он спрятал документы.

Посматривая вниз, он осторожно переместился вправо, метров на десять. Незнакомец поднимался не торопясь, видимо, сохраняя достоинство в глазах столпившихся внизу людей.

Анвар в который раз облизнул губы. Очень хотелось пить. Нужно уговорить этого типа дать ему автомобиль или вертолет, чтобы он мог отсюда скрыться. А взамен отдать чемоданчик с документами. Но прежде нужно обязательно сказать про первые листы, изъятые из всех папок. Это его страховка на случай всяких неожиданностей.

Незнакомец уже поднялся на его уровень. Он медленно подходил к Анвару. Нет, к счастью, Анвар никогда не видел его. Это запоминающееся характерное лицо с тонкими губами и резко очерченными скулами он бы узнал. Анвар всматривался в подходившего человека. Что он ему несет? Смерть или надежду?

Человек подошел совсем близко. И, презрительно глядя в глаза Анвара, не обращая внимания на пистолет в его руке, спросил:

– Где документы?

– Вот, – Анвар поднял чемоданчик. Он еще хотел сказать что-то о первых листах, о спрятанных бумагах, о своих требованиях. Но больше ничего не успел сказать. Неожиданно грохнул выстрел. Незаметно поднявшийся с другой стороны один из боевиков Рахима попал ему прямо в грудь.

Анвар пошатнулся и осел на металлический пол. Чемоданчик выпал у него из руки. Незнакомец недобро усмехнулся и наклонился за ним.

Анвар хотел поднять руку с пистолетом, хотел что-то сказать, но кровавые пузыри на губах уже мешали говорить, а нестерпимая боль в груди раздирала тело. Он только замычал что-то непонятное. Стоявший перед ним человек неторопливо достал свой пистолет, чтобы пристрелить его.

«Они не найдут самых важных бумаг», – это была последняя ясная мысль Анвара. Взглянув на стоявшего перед ним убийцу, он улыбнулся. Вернее, попытался улыбнуться, потому что мускулы лица уже отказывались повиноваться его разуму. Он так и умер с недозревшей улыбкой. Незнакомец, хладнокровно подняв пистолет, выстрелил ему прямо в лицо. Анвар дернулся и замер. Мужчина поднял чемоданчик, открыл его; увидев все четыре папки, довольно кивнул и стал спускаться по лестнице. Снизу, тяжело дыша, поднимался сам Рахим.

– Все в порядке? Вы забрали документы?

– Конечно, – презрительно сказал мужчина. – В следующий раз будь внимательнее. Если бы эти бумаги пропали, нас сожгли бы живьем. И тебя, и меня, и всех, кто здесь находится. Иди, забери труп этого идиота. Можешь скормить его своим собакам.

Рахим испуганно смотрел на говорившего. Он не сомневался, что тот поступил бы точно так же и с ним. Рахим слишком хорошо знал характер этого человека.

ГЛАВА 2

Начало событий

Они появились уже второй раз, и теперь я не сомневался, что эти типы следят за мной. Впрочем, увидев их в первый раз, я понял: моей спокойной жизни в этом захолустье пришел конец. Когда два года назад я перебрался сюда из Ленинграда, мне хотелось выть от тоски. Ничего более скучного в своей жизни я не встречал. После Москвы и Ленинграда мне здесь было особенно противно, хотя в самом городке ничего противного я не находил. Наоборот, со временем он даже стал мне нравиться.

Городок Леньки, так он называется, расположен недалеко от Кулундинского озера. Допускаю, что никто и никогда не слышал ни про этот городок, ни про это озеро. В таком случае поясню, что городок этот, по существу, большая железнодорожная станция, где живут несколько тысяч человек. И находится он примерно на одинаковом удалении от двух крупных городов – Барнаула и Павлодара. Последний, правда, сейчас находится «за границей», в Казахстане. Только это ничего принципиально не меняет. Границы все равно практически никакой нет. А Леньки расположены недалеко от пограничной черты. И расстояние до обоих городов не такое большое, где-то по двести пятьдесят километров. Вообще-то, сначала я думал спрятаться в каком-нибудь другом городе, подальше от железной дороги. Но все уперлось в деньги.

Денег у меня достаточно. Вернее, больше, чем достаточно. Я мог бы жить в Леньках тысячу лет, и мне бы хватило. Здесь особенно и не разгуляешься. И потом, как тратить доллары, которые я сумел сюда привезти? Однажды, еще в первые дни после приезда, я сделал такую глупость и пошел в местное отделение Госбанка поменять сто долларов. На меня смотрели как на сумасшедшего. Пришлось бормотать что-то про друга, приславшего мне деньги из Москвы. С тех пор я регулярно сажусь на поезд и отправляюсь в Барнаул, а иногда еще дальше, в Новосибирск, и размениваю деньги там. Заодно сам себе отправляю по почте в Леньки небольшую сумму, чтобы объяснить любопытным, на какие деньги я живу. Пусть думают, что получаю пенсию.

Впрочем, они и так все думают, что я живу только на пенсию, и часто предлагают мне какую-нибудь работу, желая помочь материально. Все видят мою левую руку, вернее, то, что от нее осталось. Мой протез у всех вызывает чувство жалости. Уродливый протез, на который особенно муторно смотреть, когда выпьешь. Говорят, в Европе делают прекрасные протезы. У меня был такой один, из Австрии. Потрясающая вещь. Но я его в Ленинграде оставил, когда «погиб». Чтобы все поверили в мою смерть, нужно было оставить именно этот протез. Иначе долго бы искали. И в конце концов обязательно бы нашли.

Тот протез я только на праздники и надевал. Мне нужен плохой протез, очень плохой. Чтобы все видели, какой я несчастный. Чтобы все отличали мою живую руку от неживой. Чтобы никто даже подумать не мог, что я тот самый известный киллер Левша, который так «отличился» два года назад и потом погиб в Ленинграде.

Не поправляйте меня, напоминая, что город теперь называется Санкт-Петербургом. Это для дураков. Он называется Ленинград. Аристократов там все равно не найдешь, прежних дореволюционных жителей – тем более. А вот людей, переживших блокаду и гордящихся, что они ленинградцы, еще полным-полно. И мне совсем не нравится, что мой родной город так паскудно переименовали. Впрочем, у меня никто и не спрашивал. Тогда был революционный угар. Все кричали – даешь переименования! Калинин стал Тверью, а Горький – Нижним Новгородом. Честно говоря, персона Калинина у меня тоже не вызывает особого уважения. Типичная сволочь. У него жена в лагере сидела, а он услужливо улыбался, с благодарностью принимал все эти переименования в свою честь.

Но те, кто сегодня так ретиво переименовывает, ничем не лучше других. Конечно, правильно сделали, что вернули городу имя Тверь. Но тогда почему оставили Калининград? Чем он лучше Калинина? Впрочем, его нельзя переименовывать. Под боком немцы, сразу вспомнят, что Кенигсберг их город. Вот и получается, что все эти переименования одна лишь туфта. Для дурачков. Принципами здесь и не пахнет. Если Калинин – сукин сын, то он всегда сукин сын. Если мудрый государственный деятель, то почему рядом с Москвой области, носящей его имя, не должно быть, а на границе с Польшей может существовать?

Ох как не нравятся мне эти два типа. Они идут, уже почти не прячась. И мне это действует на нервы. А оружия у меня с собой нет. Ну кто бы мог подумать, что в Ленках меня найдут? Я ведь никому о себе не говорил. Ну, почти никому, если не считать Савелия, с которым знаком уже столько лет. Неужели старик выдал? Так мне и надо. Нарушил главный принцип киллеров – никогда и никому не доверять. Но как они вышли на Савелия? Ему ведь уже восемьдесят и его самого трудно отыскать?

В городке меня уже знают. И очень уважают. Даже в местную школу приглашали, чтобы я рассказал о своих фронтовых подвигах в Афганистане. Все про тот бой спрашивали, когда я руку потерял. Я и напридумывал им кучу разных глупостей. Почти в стиле Рэмбо, видел я этот дешевый боевик, где он один против целой роты спецназа. В жизни так не бывает. Определили бы квадрат, где он прячется, и выжгли бы всю местность огнем. Посмотрел бы я тогда на этого героя.

А про руку рассказывать не особенно хочется. Бой всегда штука непонятная и злая. Пуля откуда хочешь может достать. Конечно, сидя в штабе, можно спрогнозировать какие-нибудь действия, но в реальном бою все это фуфло. Там стреляешь на поражение и пытаешься остаться живым. Часто стреляешь в своих и получаешь пулю от своих. Это против немцев хорошо было воевать, в Великой Отечественной. Все они такие гладкие, упитанные, аккуратные. Воевали по всем правилам военной науки.

В Афгане же в нас из гранатомета иногда стрелял десятилетний мальчик. Или девочка лет семи-восьми подсыпала нам в еду какую-нибудь гадость. Ну что с ней сделаешь? Хотя, конечно, я немного перегнул. Наши отцы и деды в этой войне доказали, что умеют сражаться. Били самую лучшую армию в мире, и крепко били. А вот с Афганом у нас туфта получилась. И не потому, что их армия сильнее. В принципе всю афганскую армию можно было за один день уничтожить. Но вот народ... С ним было труднее. Они нас так ненавидели, что в некоторых кишлаках колодцы отравляли, сами умирали, лишь бы вода не досталась безбожным «шурави».

И вообще, эта война была такой глупостью. И зачем только мы полезли в Афганистан? Чтобы посадить вместо одного кретина другого? Вместо Амина, которого Брежнев сам поздравлял, проходимца Бабрака Кармаля? Видел я однажды его выступление на митинге. Говорит громко, кричит, а у самого глазки такие сытые и хитрые одновременно. Как откормленная мышка, смотрит по сторонам. И довольно так улыбается, глядя на наших ребят. Знал ведь, сука, что это мы его посадили на престол и мы его защищаем. Плюнул я тогда и ушел. Мне глаза человека многое могут сказать. Это я сейчас таким стал – хожу в стареньком костюме и делаю вид, что меня ничего не интересует. Я ведь бывший офицер, имел неплохое образование и во многих вещах разбирался куда лучше местного председателя исполкома, которого все считают умнейшим человеком в городке.

Нужно попытаться оторваться от этих типов. Но как это сделать, если все мое имущество в доме? И чемоданчик с деньгами тоже там. А без денег я – нуль. Настоящий инвалид, который должен жить на нищенскую пенсию. Если, конечно, смогу ее выбить из нашего правительства. У меня там в чемоданчике еще двести тысяч долларов. Пятьдесят я тогда в Ленинграде оставил, для семьи. Переслал до своей «смерти». Надеюсь, моя бывшая жена сумеет по-умному ими распорядиться. Я бы ей и копейки не послал. Это все для мальчика, для моего сына. Ино-

гда ночью его во сне вижу. Какой он стал за два года? Уже, наверное, вырос, совсем взрослый. А поехать, увидеть его никак нельзя. Меня могут сразу вычислить, и тогда ни мне, ни ему хорошо не будет. Вот и приходится его только во сне обнимать.

Интересно, как этим типам удалось меня найти? Ведь Савелий мог и не расколотся. Старик твердый, кремень-мужик. Тогда каким образом им удалось меня вычислить? Каким? Дома у меня лежат три паспорта, один из них с пустыми страницами. Можно вписать любую фамилию. Мне и придется теперь уезжать отсюда, придумывая для себя новую фамилию.

Я живу в домике у Агриппины Изольдовны, в конце улицы. Меня занимает, откуда такое имя у этой милой старушки в этой сибирской глуши? Впрочем, и не такое бывает. Через две улицы живет Домна Николаевна. О чем думал ее папаша, когда давал имя дочери? Кажется, я постепенно становлюсь типичным жителем маленького городка со своими провинциальными комплексами и амбициями. За два года почти всех здесь узнал. И ко мне привыкли. А некоторые молодые девочки даже заглядываются. Хотя после смерти Ирины мне на них смотреть особенно не хочется. Был я два раза в Новосибирске, находил там проституток.

А один раз даже в Хабаровск поехал. Вот уж где раздолье. В единственной приличной гостинице – девочки со своими мальчиками-сутенерами. Можешь выбрать любую. С проститутками мне легче. Не нужно изображать из себя влюбленного павиана, говорить глупости, вилять хвостом и все только для того, чтобы переспать с женщиной, а наутро ее забыть. Гораздо честнее просто заплатить и ни о чем не спрашивать.

Поэтому на местных девочек в Ленках я внимания не обращаю. В городке все устоялось, спокойно, благородно. Здесь, конечно, проституток не бывает. Да и туристов никогда не видели. Командированный какой – и то редкий гость. Есть две-три соломенные вдовушки, готовые оказать услуги любому желающему. Но это честные и милые женщины. Просто от безысходности такие, от однообразного своего житья.

И все-таки, почему они так нагло идут за мной? Словно не боятся, что я могу сбежать. Может, они знают про мой чемоданчик? Вроде не должны, спрятал я его неплохо. А бабки Агриппы сейчас дома нет. Она к племяннице в деревню уехала. Ключи от дома мне оставила, и посторонние там появиться не могли. Соседи бы сразу заметили. Такие глазастые и ушастые соседи бывают только в провинциальных городах, где любая новость о соседском петухе – целое событие, которое обсуждается несколько дней. Еще бы, ведь для них она гораздо интереснее, чем переворот в Сомали или ураган в Индонезии.

Я на секунду останавливаюсь, чтобы оценить возможности моих преследователей. Достаточно крепкие, сильные. Справиться будет трудно. Но можно. Один слишком размахивает руками, не собран. Второй, коренастый, одетый в темные брюки и зеленую куртку, наоборот, угрюмый и мрачный. С ним будет посложнее. Видимо, бывший спортсмен. А у меня одна правая рука на них обоих. И все же, думаю, ребятам придется нелегко. Судя по лицам, они этого еще не понимают. Еще не знают, что я тот самый Левша, на счету которого больше трупов, чем пальцев на их конечностях. Они даже не подозревают, что одна моя рука плюс голова гораздо сильнее, чем два накачанных мускулами пустоголовых балбеса. И мне сейчас нужно им это доказать.

ГЛАВА 3

За шесть месяцев до событий

В большой гостиной было уютно и прохладно. Бесшумно работали японские кондиционеры, встроенные в стену. Три больших глубоких дивана с раскинутыми на них подушками создавали впечатление трех раковин, готовых проглотить любое живое существо. Несмотря на теплую весеннюю погоду, в конце зала горел камин, создавая особое ощущение уюта и покоя. В комнате находилось два человека. Один был коротышка, подвижный, нервный, с узкой полоской усов и большой лысой головой. Другой, напротив, высокого роста, массивный, неповоротливый, с тяжелыми, грубыми чертами лица и отвисшим подбородком. Он курил трубку, время от времени выбивая ее содержимое в стоявшую перед ним пепельницу. В гостиной иногда появлялась молодая девушка, приносившая кофе или чай, спиртное или соки, смотря по тому, что они пожелают.

Огромный, в двадцать две комнаты, особняк принадлежал коротышке. Располагался он на окраине Москвы, в одном из трех районов, где в последние несколько лет бурно шло строительство собственных домов.

Несмотря на несколько комичный вид, коротышка был известен в странах СНГ бурной предпринимательской деятельностью. Некоторые шепотом говорили о его связях с мафией. Но, как водится, ничего невозможно было доказать, и коротышка работал с десятками банков и акционерных обществ, создаваемых на бывшей территории некогда единого государства.

Его можно было видеть в столицах многих вновь образованных государств, где он имел достаточно хорошие связи. Коротышку звали Рашид Касимов. Принадлежавшие ему лично активы позволяли этому человеку считаться одним из самых богатых в стране. Разумеется, он старался не особенно афишировать размеры своего финансового могущества.

Сидевший рядом с ним, не расстающийся со своей трубкой мрачный человек был президентом крупного российского банка. Поговаривали, что вскоре его возьмут в правительство, настолько толково он руководил вверенным ему учреждением. Кирилл Петрович Мясников был не просто банкиром. На последних выборах он выделил фантастические суммы партии, оказавшейся в числе победителей выборного марафона, и вполне мог рассчитывать на благосклонное отношение к себе главы правительства.

Кирилл Петрович приехал сюда рано утром, и, судя по всему, разговор с Касимовым был не из легких. Оба сидели покрасневшие, злые. Ожидали третьего человека, который должен был появиться с минуты на минуту. Несмотря на кажущуюся тишину, окружавшую особняк, оба собеседника знали, как много людей находится сейчас в доме и вокруг него. Охрана Мясникова состояла из восьми человек. Охрана Касимова была многочисленнее и включала в себя обслуживающий персонал, работавший в самом доме. Здесь было не менее двух десятков человек, готовых отразить любое неожиданное нападение. Тем не менее финансовые дельцы очень нервничали, поминутно поглядывая на часы.

Обслуживающая их высокая блондинка была очень красива, и Мясников, несмотря на тревожное состояние, несколько раз приветливо кивал ей. Девушку звали редким греческим именем Элина, она была одной из победительниц конкурса «Мисс Москва». Коротышка Касимов, увидевший ее на одном из приемов, сразу предложил оклад, намного превышающий месячную зарплату президента Франции ¹.

Бывшая конкурсантка недолго колебалась, уже на следующий день работала у нового хозяина.

---

¹ Зарплата президента Франции – около семи тысяч долларов в месяц. (Прим. автора.)

Разумеется, она теперь ездила только с Рашидом Касимовым и постепенно стала близким человеком этого бизнесмена, рост которого доходил ей до плеча. В маленьких людях скрыты большие комплексы. Тем не менее Касимов в обществе такой красивой женщины чувствовал себя достаточно уверенно. Элина работала у него второй год. Он привык доверять ей и уже не прерывал разговор, когда она входила в комнату.

На этот раз вместо нее в гостиную вошел начальник его охраны. Этого бывшего спортсмена, ставшего тренером местных боксеров, Касимов заметил два года назад. Несмотря на свои сорок лет, он сохранил отличную форму. У многих бизнесменов считалось хорошим тоном иметь таких телохранителей.

– Что случилось, Семен? – спросил Касимов, держа в руках стакан томатного сока. Он не любил спиртные напитки.

– Приехал ваш гость, – ответил начальник охраны, и Касимов скатился с дивана.

– Я его встречу, – уже на ходу сказал он Мясникову. Тот, нахмурившись, кивнул, тяжело поднимаясь с дивана. И подошел к окну. Внизу во дворе стоял автомобиль «БМВ». На переднем сиденье находились два человека. Сам гость помещался сзади. Выйдя из автомобиля, он сразу посмотрел на дом. Мясникову показалось, что он взглянул прямо на него. И, хотя это было невозможно – стекла затемненные и со двора ничего не видно, – тем не менее ощущение взгляда, пробившего стекло, не покидало банкира и тогда, когда гость надел темные очки и пошел к дому, где у входа его уже ждал нетерпеливый хозяин.

– Здравствуйте! – улыбнулся Касимов. – Мы рады вас видеть.

– Добрый день, – кивнул тот, словно нехотя разжимая свои тонкие губы. – Я прилетел в Москву час назад.

– Очень хорошо, – приветливо сказал Касимов, стараясь не смотреть в его застывшее лицо. Человек был в темных очках, и Рашид Амирович не видел выражения его глаз, что ему очень не нравилось. Но он благоразумно решил держать недовольство при себе.

Они прошли несколько помещений, прежде чем попали в гостиную, где у окна по-прежнему стоял Мясников. Услышав шаги, он обернулся. Человек кивнул ему, не протягивая руки. Это не понравилось банкиру, и он, нахмурившись, тоже кивнул, проходя к своему месту на диване. Гость сел напротив.

– Вы уже знакомы, уважаемый Кирилл Петрович, – натянуто улыбаясь, сказал Касимов. – Наш гость прилетел сегодня утром в Москву, очевидно, с новыми для нас сообщениями.

– Ничего нового нет, – ответил неприятный гость, снимая наконец темные очки, – мы ничего не смогли найти.

– Как это не смогли? – испуганно спросил Касимов. – Ведь все бумаги были переданы вашему курьеру.

– Там нет самых важных документов, – зло сказал гость. – Нет номеров банковских счетов, отсутствуют номера кодов, шифров, без которых нас просто не пустят в банк. Мы ничего не нашли.

– Но, позвольте, – вмешался Мясников, – этого не может быть. Я сам видел всю документацию, она была в полном порядке. Там были шифры, номера счетов, все расчеты. Вы не получили документов?

– Получили, – кивнул гость, – но там ничего не было. Поэтому я прилетел, чтобы вы срочно восстановили всю документацию.

– Восстановили? – переспросил Мясников. – Вы что, шутите?

– Я никогда не позволяю себе шутить в таких вопросах, – сказал гость, неприятно усмехнувшись. – Нам нужно, чтобы вы восстановили всю документацию заново.

– Мы передали документацию вашему человеку. Он обещал отправить ее с надежным курьером. Где ваш курьер? Что с ним стало? – спросил Рашид Касимов.

– Он умер, – коротко ответил гость.

– Как умер? – не понял Касимов.

– Поел что-то некачественное, – выразительно улыбнулся гость, и его собеседники сразу поняли, что именно случилось с курьером. – А может, он съел ваши бумаги, – добавил гость. – Ни в одной из папок мы не нашли нужных документов. Во всех четырех отсутствуют самые главные, первые, листы. Поэтому нам нужно, чтобы вы их восстановили.

– Да, – растерянно сказал Касимов, – но это сложно.

– У вас есть только два дня, – равнодушно напомнил гость, – я обязан доложить, что все в порядке. Вы сами понимаете, какие могут быть последствия.

– Да-да, конечно, – закивал Касимов.

– Не зная номеров счетов в Америке, откуда мы провели последнюю операцию, и номеров кодов и шифров в Швейцарии, куда поступили деньги, мы фактически ничего не знаем об этих деньгах, – напомнил гость. – Вам доверили важное дело, и мы просим, чтобы вы продублировали всю документацию.

Мясников и Касимов переглянулись. Значит, документы больше не существуют и они теперь единственные, знающие в полном объеме всю информацию. Возможно, оба подумали об одном и том же, так как оба сразу торопливо отвели глаза.

– Хорошо, – словно раздумывая, медленно сказал Касимов, – мы постараемся все восстановить за два дня. Но это будет очень сложно. Вы ведь знаете, с какими трудностями мы переводили деньги в эти банки. Через подставные фирмы и третьи страны.

– Тем не менее мы просим вас еще раз подготовить документацию. – Гость поднялся со своего места. – Надеюсь, я увижусь с вами через два дня. У вас хороший столик, Рашид Амирович. Наверное, это красное дерево? – спросил он, проведя рукой по столу.

– Да, – кивнул Касимов, – я купил его в Италии.

– До свидания.

– Я вас провожу, – засуетился Касимов. Гость на прощание снова просто кивнул Мясникову. Через несколько минут неприятный посетитель уехал, и Касимов вскоре появился в гостиной. Мясников достал трубку, раздумывая над услышанным.

– У них какие-то неприятности, – говорил Касимов уже от порога. – Наверное, что-то случилось с курьером. Может, тот украл документы, и они его за это убрали.

– Но где тогда документы? – рассудительно спросил Мясников.

– Не знаю, – Касимов пожал плечами. – Копии хранятся только у меня. Получается, что первого экземпляра уже не существует. Или он существует и попал в недобросовестные руки.

Мясников посмотрел в его глаза. Рашид Амирович все-таки смутился, заерзал на диване и крикнул:

– Элина, дай нам горячего чаю!

– Мы, кажется, подумали об одном и том же, – негромко сказал Мясников. – Если первые экземпляры пропали, это не наша вина. И часть денег могли снять до того, как мы передадим копии документов.

– Да, – кивнул Касимов, почему-то оглядываясь по сторонам, – у нас всего два дня. Мы могли бы снять большую часть денег с этих счетов. Тем более что, кроме нас, никто не знает, как получить доступ в этот швейцарский банк.

– Очень хорошо, – Мясников постучал трубкой по столу, – но операцию нужно провести быстро.

– Начать прямо сегодня, – кивнул Касимов, – кто-нибудь должен вылететь в Цюрих и там все устроить.

– У меня есть такой человек, – сообщил Мясников, – это Кондаков.

– Тот самый, о котором вы говорили?

– Да. Он молодой, но достаточно опытный сотрудник банка.

– Но учтите, кроме нас двоих, об этом не должен знать никто, – предостерег Касимов. – Надеюсь, вы понимаете, что все деньги разделим пополам.

– Конечно, – согласился банкир, – без всяких глупостей. Кондаков – человек надежный. Он сделает все как нужно.

– У него есть швейцарская виза?

– Да. Он может вылететь уже сегодня. Например, через Будапешт или Варшаву. В эти страны, если есть служебный или дипломатический паспорт, виза не нужна.

– Вы умный человек, Кирилл Петрович, – заметил Касимов. – Тогда все претензии к нам будут необоснованны. В конце концов, это они потеряли документы, позволив им попасть в чужие руки.

– И кто-то чужой этим воспользовался, – закончил Мясников и неожиданно громко захотал.

Недалеко от их особняка, за поворотом у развилки дорог, стояла машина недавнего посетителя. Он не напрасно провел рукой по столу в гостиной. Под ним было вмонтировано устройство, передающее разговор хозяина дома с банкиром. Сидевший в «БМВ» человек внимательно прослушал весь разговор. Он снова надел темные очки, и поэтому выражения его глаз не было видно.

– Кондаков, – громко повторил он только что услышанную фамилию и дотронулся до плеча впереди сидевшего, – запомни. Полетишь вместе с ним в Швейцарию. Он полетит через Венгрию или Польшу. У тебя тоже служебный паспорт? Постарайся перехватить его где-нибудь в пути. Узнай номера счетов и возвращайся обратно.

– А с ним что делать?

– Оставь его отдыхать за границей, – усмехнулся гость, – пусть они думают, что он не захотел возвращаться.

ГЛАВА 4

Начало событий

Городок – это почти моя территория. В футболе фактор своего поля имеет большое значение. Хотя, казалось бы, что здесь особенного? Одинаковые поля, одинаковые ворота, одинаковые мячи. Но фактор своего поля почти всегда срабатывает в пользу хозяев. Может, дело в эмоциональном настрое? Или в большом количестве сочувствующих зрителей? Во всяком случае, в нашем деле фактор своего поля еще более важен, чем в других областях человеческих отношений.

Я знаю, мне совсем не обязательно идти к дому бабки Агриппы. Рядом стоит дом Минниковых, обитатели которого сейчас должны быть на работе. Смотрю на часы. Они у меня, конечно, надеты на правую руку. Одно плохо, должны вернуться из школы двое ребяташек Минниковых. Поэтому все нужно провернуть быстро, чтобы не напугать детей. Собаки во дворе нет, это я точно знаю. Но этого не знают мои преследователи.

Спокойно сворачиваю к дому Минниковых, стараясь держаться левее, ближе к забору. Преследователи идут за мной быстрым шагом, словно намереваясь догнать. Это мне нравится меньше всего, и я, уже не оборачиваясь, захожу во двор Минниковых. Здесь стоит большое дерево, за которым можно укрыться. Так и есть. Эти два дурачка шагнули следом за мной. Остальное дело техники. Нельзя быть такими самоуверенными. Я беру солидное полено и, едва первый из преследователей оказывается рядом с деревом, с силой бью его по голове. Он падает почти без звука.

Я хватаю стоящие тут же вилы и дровком бью в живот коренастого. Тот, еще ничего не понимая, хватается за живот и морщится от боли. Сильный удар ногой, и он летит на землю. Остается только поднести вилы к его горлу, что я и делаю. Он испуганно хрипит, понимая, что следующее движение может стать для него последним. Вилы очень убедительный аргумент в таком споре.

– Что надо? – спрашиваю я. – Почему вы здесь?

– Мы ищем тебя, – говорит он, испуганно косясь на вилы. Они ему явно не нравятся.

Это меня пока устраивает.

– Почему? – спрашиваю я и вижу, как он пытается сообразить, что сказать. Любая попытка мыслить отражается на его дебильном лице, и это мне совсем не нужно. Я чуть надавливаю на вилы, так, чтобы зубья царапали ему шею, и он быстро кричит:

– Нас прислал Глухарь. Он сказал, что здесь можно найти Левшу.

Это меня так поражает, что я ослабляю давление. Глухарь – легендарная личность, ему лет семьдесят, не меньше. В авторитетах ходит уже лет сорок. У них с Савелием много кровавых дорожек вместе протоптано. Это единственный человек, которому Савелий мог рассказать, где я нахожусь. Это похоже на правду.

– А что ему нужно? – тороплю я парня, помня, что разговор нельзя затягивать, вот-вот появятся дети, они не должны видеть эту картину. Я никогда не пугаю людей, если в этом нет необходимости. И уж тем более стараюсь не втягивать детей в наши разборки.

– Глухарь просил Савелия найти тебя. Срочно найти, – выдавливаю коренастый. – Он говорил, очень важное дело. Только ты можешь справиться.

– Важное дело, – задумчиво повторяю я. Савелий – человек опытный. Он мельтешить не будет. По-видимому, дело действительно важное, если он сдал меня Глухарю. И верное. Савелий любой подвох чувствует, просто так не стал бы давать мой адрес. Видимо, дело вправду срочное, если он не вышел на меня через привычный адрес в Барнауле. Один раз в три месяца

он пишет туда на мой адрес, вернее, на почтовый ящик, и я забираю письмо, когда перевозю сам себе деньги. Значит, Савелий ждать не смог, если отдал мой адрес и даже людей прислал.

Я отбросил вилы и протянул правую руку, помогая коренастому подняться. Встав, он принялся поправлять свою одежду.

– Товарищу помоги, – подсказал я. И в этот момент во дворе появились ребята Минниковых. Они испуганно замерли, но, увидев меня, заулыбались. Здесь меня не только знали, но и любили.

– Что случилось? – спросил старший, подходя к нам ближе. Ему уже лет двенадцать, и он не по годам рассудителен.

– Да пьяный он, – киваю я на лежавшего на земле человека, – сейчас мы его отсюда уберем. Корешки приехали мои, с которыми мы Афган прошли. Вот мы с ними и врезали немного.

Это ребят не удивляет. У них отец сильно пьет, да и на других пьяных они насмотрелись. Мы с коренастым поднимаем его товарища и тащим на улицу. Теперь нужно донести этого парня до моего дома. Там у меня есть сильнодействующие средства, чтобы привести его в чувство.

К счастью, на улице почти нет прохожих. Через пять минут я вместе с неожиданными гостями заваливаюсь в свою комнату. Коренастый бросает товарища прямо на пол и достает из кармана записку. Это почерк Савелия. Я его сразу узнаю.

«Срочно возвращайся в Питер, – читаю я послание Савелия, – можешь верить этим ребятам. Очень важное дело».

Я твердо знаю, Савелий никогда не стал бы такого писать, если бы дело действительно не было столь важным. Значит, нужно ехать вместе с этими посланцами. Но им я все равно не очень доверяю.

Весь вечер мы пьянствуем, а утром я предлагаю ребятам убраться. Не люблю ездить в компании. Я обещаю через два дня быть в Ленинграде. Ровно в десять утра. Как я туда доберусь, это уже мое дело. Этим двоим совсем не обязательно знать про мой чемоданчик с деньгами. А оставить его здесь я не могу. Кончилось мое спокойное житье в этом маленьком городке.

Конечно, в Ленинград я прилетел гораздо раньше. И почти сразу, применив наш старый трюк, вышел на Савелия. Я им неоднократно пользовался, и он меня всегда выручал. А трюк очень примитивный. К человеку, к которому я должен идти, вместо себя надо послать какого-нибудь бомжа. Найти слоняющегося без дела около вокзала пьяницу и отправить по нужному адресу. С одной лишь маленькой поправкой: предварительно надев ему на левую руку темную перчатку.

Эта темная перчатка действует как безотказная ловушка. Достаточно увидеть ее, как на человека из засады сразу бросаются поджидающие меня люди. Они справедливо полагают, что двое одноруких инвалидов появиться в одном и том же месте не могут. Таких совпадений не бывает. А мне остается только наблюдать. Если есть засада, значит, меня ждали. Если мой «проверяющий» проходит спокойно, значит, все в порядке.

Вечером нахожу бомжа и прошу его отнести записку Савелию, пообещав дать пятьдесят тысяч. Но за последние два года бомжи обнаглели окончательно. Он сразу запрашивает пятьдесят долларов, что в пять раз больше. В конце концов сходимся на ста тысячах, и он идет к Савелию. Все проходит спокойно, и уже через полчаса мы сидим в небольшом кафе, разговаривая о нашем деле. Я прав: Савелий никогда бы не стал так просто меня беспокоить, тем более подставлять. Во-первых, в Москве произошли большие изменения, и люди, которых я опасался, уже не у власти. Во-вторых, предложение, которое поступило от Глухаря, было настолько ошеломляющим и выгодным, что Савелий решил рискнуть. И вызвал меня. Вообще-то я на него зла не держал. Всегда знал, что за большие деньги он меня, конечно же, предаст.

А тут речь шла о фантастической сумме. И он меня не предал, а предложил для работы. Так что внешне все правильно, даже справедливо.

Никогда никому не доверять. Это мой твердый девиз. После развода у меня не осталось никого из близких людей. Да и вряд ли мою бывшую жену можно считать близким мне человеком. За исключением нескольких месяцев, когда собирались пожениться, мы почти все время ругались. Я вернулся из Афгана никому не нужным инвалидом, а эта истеричка стала отыгрываться на моем сыне и на мне. Я обязан был уйти и ушел, хотя до сих пор вспоминаю своего мальчика. Я ни разу не видел его за эти два года. Рискнуть и появиться рядом с ними означало подставить прежде всего сына. А этого мне очень не хотелось.

А насчет доверия... За большие деньги или за что-нибудь другое можно продать и предать любого. Это я знаю очень хорошо. Поэтому во все свои расчеты я включаю возможный третий вариант. Это мое собственное изобретение – третий вариант. Когда вы бросаете монету, кажется, могут быть только два варианта. Либо выпадет «орел», либо «решка». На самом деле иногда возможен и третий вариант. В одном случае из миллиона монета может упасть «на попа». Или не упасть вообще, зацепившись за вашу одежду. Или упасть таким образом, что вы ее не найдете. Вот это третий вариант, при котором ответ не бывает однозначным, я всегда имею в виду, когда выхожу на любое дело. Либо я выполню поручение, либо я его не выполню. Но есть еще и третий вариант, при котором возможен любой исход. С одной стороны, я всегда боюсь этого третьего варианта. С другой – интересно, как может сложиться моя судьба, если мне выпадет именно этот, третий, вариант.

Чтобы долго не тянуть, скажу только, что Глухарь рассказал Савелию о деле, за которое готовы заплатить... миллион долларов. Целый миллион. Если учесть, что Савелий должен получить двадцать пять процентов за посреднические услуги, то он, не задумываясь, сдал меня Глухарю, сообщив мой адрес и мою фамилию, и даже написал мне записку. За что и почему дают такие деньги, Глухарь не сказал. Во всяком случае, их дают не для того, чтобы только найти меня. Я себя не переоцениваю, знаю, сколько могу стоить. За такие деньги меня десять раз можно убить и в пыль растереть. Здесь нечто другое.

Утром следующего дня я уже еду на встречу с Глухарем. Знаю я этот дом, в котором он назначил встречу, и не жду ничего хорошего. Вечно там случаются какие-нибудь неприятности. Но ехать нужно. Миллион долларов – деньги, ради которых я готов выложиться. Это сумма, которая вместе с моими деньгами даст мне возможность уехать из нашей «благословенной» страны, забрав с собой сына, и дать ему нормальное образование.

Глухарь почти не изменился. Та же сутулая фигура, тот же угрюмый взгляд. Только постарел немного, но это почти незаметно. И по-прежнему любит своих чертовых канареек. Их у него несколько клеток, словно птички создают ему необходимый фон для разговора. Меня два раза проверяли, причем так тщательно, словно это я напросился к Глухарю, а не он искал меня, отправляя в Леньки своих гонцов.

– Ну, здравствуй, Левша, – говорит Глухарь, сидя в своем кресле. – Я всегда подозревал, что ты свалил дурака тогда, у канала: чтобы обмануть наших сыщиков, разыграл свою смерть.

– Если ты такой умный, чего молчал столько лет? – спрашиваю я, усаживаясь напротив хозяина.

– А зачем кричать? Ты у нас как золотой запас. Я ведь чувствовал, что Савелий ловчит. Но до поры до времени не хотел тревожить. Думал, вызову тебя только на очень важное дело.

Ну что ему сказать? Все рассчитал правильно. И вызвал меня в нужный момент. Не люблю разговаривать с такими мерзавцами. Он скользкий, как угорь, и всегда может выскользнуть из рук.

– Зачем позвал?

– Какой нетерпеливый, – смеется Глухарь, – ты всегда меня не любил. А я вот о тебе подумал, решил вызвать на такое важное дело. Меня всегда занимало, как это ты свои убийства

придумываешь. Прямо гений настоящий. А по виду не скажешь. Это ведь ты Француза убрал в Америке? У него такая охрана была, столько людей, а ты его убрал.

Я делаю движение рукой, чтобы возразить, но он лениво отмахивается.

– Не спорь. Я ведь точно знаю, что это ты. Тогда Лазарь искал тебя по всему миру. И в аэропорту ждали. А ты всех обманул. Как тебе это удалось, до сих пор не могу понять.

Он говорит, а я пытаюсь сообразить, к чему это дурацкое вступление. И, кажется, начинаю понимать, когда Глухарь наконец сообщает:

– Ко мне клиенты обратились. Очень значительные люди. Просят найти им стоящего профессионала. И деньги хорошие предложили. Огромные деньги. Неслыханные. Я сразу подумал, что настал твой черед. И поехал разговаривать с Савелием. Сказал он тебе про сумму?

– Миллион долларов? – хрипло уточняю я.

– Да, – улыбается Глухарь, – целый миллион долларов. Савелий, как только эту сумму услышал, так и подпрыгнул. И адресок твой собственноручно начертил. И записочку для тебя передал. Но, я думаю, ты на него не в обиде?

Я молчу. Вступать в бессмысленный спор мне ни к чему. Пусть выскажется.

– Им нужно найти одного человечка, – говорит Глухарь, – и они хотят, чтобы его нашел ты.

– Его нужно найти или... – уточняю я. И он меня понимает.

– Нет, только найти. Найти и сообщить, где он находится. Вот и все.

– И за это дают миллион долларов? – спрашиваю я, не скрывая недоверия.

– Дают, – улыбается Глухарь, – или тебе мало?

– А сколько ты хочешь из этих денег? – интересуюсь я, ожидая услышать любую сумму.

Но только не тот ответ, который он дает:

– Ничего. Мне ничего. Весь миллион заберешь себе, а четверть суммы, как и положено, выплатишь Савелию.

Вот такого я не ожидал. Это уже просто интересно. Чтобы Глухарь отказался от такой суммы! Да я в это ни за что не поверю.

– Давай сначала, Глухарь, – предлагаю я. – Почему ты не берешь положенные проценты? Я ведь тебя хорошо знаю. Ты все соки готов выжать. А тут не хочешь денег. Или они платят больше? Или что-то другое?

– Дурак ты, Левша, – говорит он, – там, в Сибири, совсем мозги отморозил, ничего не понимаешь. На кой мне твои деньги, если я могу большую выгоду иметь. Это ведь ты должен понимать?

Я начинаю понимать.

– Хорошие клиенты?

– Очень, – смеется он, – вот, кажется, наконец умнее становишься. Только ты должен найти этого человечка. Как хочешь найди. А свои деньги можешь получить потом где угодно.

– Он уехал из страны, – я начинаю понимать намеки Глухаря на убитого Француза.

– Точно. Но куда уехал, никто не знает. А очень хотят знать. Они с тобой встретятся и расскажут, как его искать.

– Ты ведь знаешь, я никогда напрямую с клиентами не встречаюсь, – напоминаю я, – это не мой стиль. Они могли все рассказать и тебе.

– Это не тот случай, Левша. Им нужен этот человек. Так сильно нужен, что они готовы встретиться с кем угодно. Они его уже искали по всему миру. Хорошо искали. И профессионально. Но ничего не вышло. Вот я и вспомнил о тебе. Ты ведь любишь рассуждать про третий вариант. Или найдут, или не найдут – считают все. А ты всегда держишь в уме и третий вариант. Вот я и подумал, ты со своими выкрутасами сможешь найти этого типа и получить деньги.

– Понятно. А где его видели в последний раз? Это хотя бы ты можешь сказать?

– В могиле, – смеется Глухарь, – в гробу.

ГЛАВА 5 За шесть месяцев до событий

Николай Кондаков закончил один из самых престижных вузов бывшего Советского Союза – Московский институт международных отношений. Казалось, судьба уготовила ему прямую дорогу, тем более что его дядя работал начальником одного из самых важных управлений Министерства иностранных дел. Но все сложилось иначе. Уже в третьей своей зарубежной командировке работавший в МИДе Кондаков попался на провозе валюты. Тюрьмы удалось избежать благодаря своим связям, но из МИДа его вышибли навсегда. А заодно и прервали его кандидатский стаж в партию, без которой дорога наверх была закрыта окончательно.

Но грянула перестройка. Членство в партии оказалось не таким обязательным, и вскоре Кондаков уже работал в одном из акционерных обществ, возникавших с началом перестройки, словно грибы после дождя. Акционерное общество занималось отмыванием денег и их обналичиванием – термин, который был совершенно непонятен во многих странах мира, где наличные деньги ценились даже меньше, чем безналичные, лежавшие на счету.

Уже в начале девяностых Кондаков перешел на работу в банк к Мясникову, который вполне оценил его работоспособность и ловкость. Кроме всего прочего, сказывалось и отличное образование Кондакова, окончившего экономический факультет МГИМО.

Высокий, красивый, холерный молодой человек лет тридцати пяти прошел через комнату ВИПа и улетел в Будапешт самолетом венгерской авиакомпании «Малев». В Будапеште он должен был сделать пересадку и вылететь ночным рейсом в Цюрих. Кондаков не подозревал, что этим же самолетом летит еще один человек, у которого, в отличие от него, нет швейцарской визы и который имеет к нему прямой интерес ².

Сидевший в салоне бизнес-класса Кондаков весело шутил со стюардессами, благо он знал два языка – английский и немецкий. Даже позволил себе выпить несколько больше обычного, заказав дополнительно две рюмки martinis. Сидевший в салоне эконом-класса незнакомец, напротив, выпил только одну рюмку водки. Один раз он пошел в салон бизнес-класса, сразу после посадки, чтобы убедиться, что Кондаков находится на своем месте.

Прибывшие в Будапешт транзитные пассажиры спешили в зал для переоформления билетов. Кондаков, у которого не было багажа, не торопился. Он по-прежнему не замечал незнакомца, терпеливо стоявшего у него за спиной. Оформив все необходимые документы и подтвердив, что полетит через пять часов в Цюрих, он решил, что успеет съездить в город. В Москве на непредвиденные расходы ему выдали почти три тысячи долларов.

Кондаков сел в такси и отправился в «Максим», аналог знаменитого парижского ресторана, находящийся в венгерской столице. В годы, когда еще существовал Советский Союз, это был ресторан, который тайно посещали советские туристы, умудрившиеся попасть в Венгрию по профсоюзной путевке и даже сумевшие нелегально вывезти некоторую сумму денег. Как правило, вывозили рубли, ведь за валюту давали очень большой срок, и никто не рисковал притрагиваться к долларам.

Предвкушая сытый ужин и веселое времяпрепровождение, Кондаков не обратил внимания, что незнакомец из его самолета взял второе такси и поехал за ним следом. Но Кондакову не повезло. Ресторан оказался закрыт на ремонт, и он решил поехать в «Геллерт», старейшую будапештскую гостиницу, где ранее останавливался и где был неплохой ресторан.

---

² В детективных романах часто встречаются ситуации, при которых герои пересекают границы и путешествуют по разным странам. Однако это находится в вопиющем противоречии с реальным положением дел. Зарубежные визы во многие страны нужно получать минимум за несколько дней до выезда, и невозможно оформить все документы за час до вылета. Даже после введения Шенгенских соглашений одна виза выдается лишь на некоторые страны Западной Европы, куда не входят такие страны, как Англия, Италия, Швейцария и т. п. В Венгрию, куда направлялся Кондаков со служебным паспортом, виза была не нужна. (Прим. автора.)

Такси с преследователем в точности повторяло их маршрут. Отель «Геллерт» находился почти на самом берегу Дуная. Он был открыт около восьмидесяти лет назад. Насчитывающее двести тридцать три номера, это старейшее заведение было известно и своим знаменитым бассейном, напоминавшим римские термы.

Приехав в отель, Кондаков снял номер, принял ванну и заказал столик в ресторане. Поднявшись к себе, он развязал галстук, скинул пиджак, включил телевизор. Подойдя к двери, выходящей на балкон, чуть приоткрыл ее. Затем, подумав немного, набрал по коду Москву. Нужно продемонстрировать Мясникову, как он четко работает и как исправно сообщает обо всем в свой банк. Под это дело можно будет вытянуть из президента банка еще несколько тысяч долларов. На другом конце почти сразу отозвались. У Мясникова был с собой сотовый мобильный телефон.

– Слушаю, – сказал он лениво. Доносились веселые голоса, смех. Очевидно, банкир был на каком-то приеме.

– Я уже в Будапеште, – доложил Кондаков, – через несколько часов отправляюсь в Цюрих.

– Хорошо, – сказал Мясников, – позвони мне из Цюриха, как только переведешь деньги.

– До свидания. – Кондаков не спрашивал, почему деньги не переводили обычным поручением из московского банка. Он понимал, что деликатность операции требует специальной командировки. И никогда не задавал лишних вопросов, хорошо зная, что его молчание будет должным образом оценено.

Он стащил рубашку, собираясь отправиться в ванную комнату, когда в дверь постучали. Он подошел, чтобы открыть ее. И, едва открыв, получил сильный удар в лицо. Это было так неожиданно и так больно, что он едва не заплакал. Упав на пол, он схватился за разбитый нос, почувствовав, как на ладонь стекают тоненькие струйки крови.

В комнату вошел неизвестный человек лет пятидесяти. Осторожно закрыв дверь, он наклонился к Кондакову и почти сочувственно спросил:

– Сильно болит?

После чего, коротко размахнувшись, нанес еще один удар. Кондаков застонал. Он не понимал, почему его бьют, что хочет этот незнакомец.

– Больно? – спросил тот снова.

Кондаков испуганно замер.

– Мне нужны номера счетов и шифры, – ласково пояснил гость.

И только тогда Кондаков понял, кто этот человек. Их банк часто выполнял разного рода деликатные поручения различных организаций, среди которых бывали и откровенно криминальные. Собственно, любой крупный российский банк имел в своем начальном капитале от пятидесяти до семидесяти процентов криминальных денег. Об этом знали многие, но предпочитали не афишировать.

– Каких счетов? – промычал Кондаков.

И сразу получил третий удар, на этот раз не столь болезненный, но все равно ощутимый.

– Ты зачем в Цюрих едешь? – напомнил незнакомец. – Быстро дай мне счета и шифры.

И я сразу уйду.

Даже после таких жестоких ударов Кондаков сообразил: если он сейчас назовет номера счетов, незнакомец не уйдет просто так. Он сделает все, чтобы Кондаков не успел позвонить в Москву либо в Цюрих и сообщить об этом нападении. А это значит, что незнакомец решит от него избавиться. Но получать удары больше не хотелось.

– В Цюрихе я должен только проверить счета, – вымолвил Кондаков, отвечая на первый вопрос и словно забывая о втором.

– Это я знаю, – кивнул незнакомец. У него были короткие тяжелые руки борца. Кондаков представил, как легко он задушит его, и ужаснулся.

– Назови мне номера счетов, – требовал незнакомец, – у меня мало времени.

– Они там, в «дипломате», – наконец выдал Кондаков, чтобы хоть как-то потянуть время.

Незнакомец нахмурился, взял «дипломат».

– Какой код?

– Три семерки, – выдохнул Кондаков. Кажется, он выиграл несколько секунд на обдумывание ситуации.

Незнакомец прокрутил замок, ставя цифры шифра на три семерки, и открыл «дипломат». Там лежали поручения банка, документы, доверенности, письма. Разобраться в этой пачке бумаг неспециалисту было сложно. Убийца, стоявший перед Кондаковым, явно не был специалистом в экономических делах. Он специализировался несколько в другой области.

Пересмотрев бумаги, незнакомец недоверчиво спросил:

– Здесь все в порядке?

– Не все, – ответил Кондаков, – документы выписаны на меня, и нужна моя подпись, иначе они будут признаны недействительными. В случае моей болезни вся документация тоже будет признана недействительной и все операции будут заморожены на две недели.

– На две недели? – переспросил убийца. Видно было, как он мучительно соображает. Ему, конечно, поручили узнать все подробности. Но, возможно, если он удавит этого хлыща, все деньги в банке действительно пропадут или будут заморожены. А этого допустить нельзя. Нужно просто позвонить и узнать, благо сейчас сотовые телефоны есть у всех, в том числе и у него.

Кондаков смотрел на этого громилу почти весело. «Пусть мучается», – думал он облегченно. И вдруг, к своему ужасу, увидел, как убийца достает из кармана пиджака сотовый телефон, собираясь звонить более компетентному человеку. Кондаков понял, что проиграл не просто партию, а свою жизнь.

Убийца набрал чей-то номер. Кондаков ошеломленно оглядывался по сторонам. Сопровивляться невозможно. Этот тип сразу убьет его, просто задушит голыми руками. Оставался последний шанс. Он покосился на балконную дверь.

Незнакомец наконец установил связь.

– Это я, – сказал он хриплым голосом, – звоню из Будапешта. Все документы и счета оформлены на него. Что мне делать?

Видимо, поняв, в чем дело, абонент начал ругать своего посланца и так яростно, что тот метнул на Кондакова взгляд, не обещавший ничего хорошего. И тогда Кондаков принял решение. Он вскочил с пола и, бросив в незнакомца стоявший на столике телефон, рванулся к балконной двери. Она была приоткрыта.

Он вскочил на балкон. Незнакомец уже бежал следом. «Если он затащит меня внутрь, то обязательно убьет», – понял Кондаков и с диким криком рухнул с третьего этажа вниз. Незнакомец успел только проводить его взглядом. Затем, пробормотав сквозь зубы проклятье, схватил «дипломат» и выскочил из номера.

Кондаков не разбился, хотя сломал обе ноги и три ребра. Когда его отвозили в больницу, он был без сознания. Но его потенциальный убийца этого уже не видел. Он ехал в аэропорт, топаясь вернуться в Москву, где его ждали.

ГЛАВА 6

Начало событий

Вечером этого дня меня уже ждут в другом месте. Я позвонил по телефону, который мне дал Глухарь, и они подтвердили, что готовы к встрече. Однако мне нужна была не просто встреча. Я не могу заявляться на свидание со своей «левой», демонстрируя клиентам столь хорошо запоминающееся отличие. Поэтому заранее отказался от встречи в отеле и сам назначил место – в полутемном проходном дворе, где уже назначал подобные свидания.

Устроить там засаду практически невозможно, я знаю это место с детства. Хотя клиент особенно и не возражал, но все же сказал что-то неприятное, однако так быстро, что я не успел ничего толком понять.

Свидание состоялось ровно в семь часов вечера. Я люблю это число – семь. Древние говорили, что оно счастливое, и я не раз убеждался в справедливости такого утверждения. Уже в половине седьмого я был на месте. Дворик очень интересно устроен. Он прекрасно просматривается с двух точек, которые я знаю. Оттуда я, конечно же, наблюдал за прохожими. Ничего похожего на засаду не было, но я все равно внимательно присматривался. В нашем деле очень важно, во-первых, не торопиться, а во-вторых, быть наблюдательным. Иногда даже кошка, пробегающая по двору, может сказать больше, чем все прохожие, вместе взятые. Ведь кошка наверняка шархнет от незнакомых людей, тем более спрятавшихся в укромном месте.

Без одной минуты семь появляется мой «клиент». Я его сразу узнаю. У него внимательный взгляд профессионала, но он, ни разу не позволив себе обернуться, точно идет к намеченной цели. Но идет медленно, контролируя ситуацию, просматривая пространство вокруг. Это был настоящий мужик. Правда, мне не нравилось его лицо. Слишком жестокое и надменное. Такие тонкие губы не могут принадлежать нормальному человеку. Он немного садист в душе, это чувствуется и по лицу, и даже по его пружинистой походке. А я садистов не люблю. Если я должен кого-то убивать, то это моя вынужденная профессия. Ничего другого я делать просто не умею. Но это не значит, что я от процесса убийства должен еще и получать удовольствие. Это всегда тяжело и грязно. А этот тип, кажется, готов получать удовольствие, и поэтому он мне в напарники никак не подходит.

Через три минуты я отправляюсь к нему в подъезд, но не через двор, а войдя в дом с другой стороны. Он уже стоит у окна, глядя вниз. В подъезде сыро и темновато, но лица друг друга мы видим.

– Добрый вечер, – говорю я, – меня прислал Глухарь.

– Я знаю, – быстро кивает незнакомец. – Мы хотели с вами поговорить.

– Говорите, – пожимаю я плечами.

– Прямо здесь?

– А вы хотите разговаривать, лежа на диване? Можете сесть на подоконник, если устали.

Он усмехается. Неприятно так, гадко. Я еще подумал, что ему в руки лучше не попадаться.

– Хорошо, – он усаживается на подоконник, – раз вам так больше нравится, давайте разговаривать здесь. Он сообщил вам наши условия?

– Миллион долларов, если я найду нужного вам человека. Я все-таки не до конца верю в эту абсурдную цифру, ни один человек в мире не стоит миллион долларов. Таких цен просто не существует.

Тем не менее этот тип кивает:

– Да. Мы готовы заплатить миллион долларов, если вы найдете этого человека.

– Живым или мертвым? – уточняю я на всякий случай.

– Нет-нет, – быстро говорит он, – только живым. О своем ремесле лучше забудьте. Только живым.

– У меня нет никакого ремесла, – говорю я, и мы оба смеемся.

– Я совсем забыл, – признается незнакомец, – и тем не менее постарайтесь найти его только живым. Это все, что мы от вас хотим.

– Вы уже пробовали его искать?

– А как вы думаете?

– Давно ищите?

– Шесть месяцев, – мрачно говорит незнакомец, – но он словно сквозь землю провалился.

– Он действительно инсценировал свои похороны?

– Да. Это нас и ввело в заблуждение. Мы считали его погибшим и только потом догадались, что он нас просто обманул.

– Интересный тип, с большим юмором.

– Да, такой любитель анекдотов, – угрюмо соглашается незнакомец, – которого вы должны найти.

– Теперь расскажите мне по порядку, кто он, где раньше жил, чем занимался и как «умер»? И не забудьте добавить, почему именно вы его ищите.

– Он остался должен нам большие деньги. Только он знает, где они находятся. Снял их со счетов в швейцарских банках и исчез. Мы ничего не подозревали, потом поняли, что кто-то нас обманул. Расследование показало: это мог быть только этот тип.

– Большая сумма? – равнодушно спрашиваю я, уже понимая, что ради пяти или десяти миллионов они бы не платили такой гонорар.

– Очень большая, – подтверждает незнакомец, но ничего больше не добавляет. А я принципиально не уточняю. В конце концов, это их внутреннее дело. – Он исчез вместе с нашими деньгами, – поясняет незнакомец, – судя по всему, обманул всех, инсценировав собственную смерть. И сбежал в Швейцарию. Куда поехал потом, мы выяснить так и не сумели.

– У него были визы других стран?

– У него был дипломатический паспорт, – хмуро подтверждает незнакомец, – он мог полететь куда угодно. Кроме того, у него были многократная виза Шенгенской зоны и годовая многократная виза США. Но поиск ни к чему не привел. Словно сквозь землю провалился.

– А его родные, которые остались в Москве?

Незнакомец молчит. Мне всегда не нравится, когда молчат в подобных случаях. Потом нехотя говорит:

– Мы проверяли и этот вариант. Семья искренне считает, что он погиб. Никто и ни о чем не подозревает.

– На какие деньги они живут?

– Он был достаточно состоятельный человек.

Я хочу узнать реакцию собеседника, а заодно проверить свое подозрение. Поэтому я наклоняюсь к нему и тихо спрашиваю:

– А если он действительно погиб?

Мой собеседник холодно смотрит мне в лицо. По его реакции понимаю, что он убежден в обратном. Он молча лезет в карман и достает фотографии. Несколько штук.

– Мы вскрыли его могилу, – говорит он совершенно спокойным голосом, как будто занимается этим делом ежедневно, – там оказался не его труп. Вот акт экспертизы.

– Тогда почему решили, что он погиб?

– Взорвалась машина, в которой он должен был находиться, и мы решили, что он погиб в ней. Слишком поздно поняли, что он нас обманул.

Этот тип даже не подозревает, как много мне рассказал. Теперь я знаю, что мой будущий объект искали не дилетанты или мафия. Этим занимались очень солидные люди, кото-

рые могут себе позволить раскопать свежую могилу и даже провести экспертизу трупа. Нужно еще подумать, прежде чем решиться связаться с такими могущественными людьми. Во всяком случае, это не обычные мафиозные разборки, в этом можно не сомневаться.

– Мне нужна его подробная биография, – говорю я, немного подумав, – его привычки, особенности характера, любимые города, где он раньше бывал, где отдыхал. Нужно знать об этом человеке все. И только тогда я могу попытаться его отыскать.

– У нас есть на него подробное досье. С момента рождения, с первого дня. Все его путешествия, все его связи. Если хотите, вам передадут эти документы.

– Обязательно хочу. Семья осталась большая?

– Обычная. Жена, сын, дочь.

– Он любил сына?

– Он больше всего любил деньги, – снова улыбается собеседник, нехорошо улыбается.

Похоже, он тоже больше всего на свете любит деньги.

– У вас есть хотя бы примерное предположение, где его можно искать? – спрашиваю я в надежде, что он даст мне хоть небольшой шанс.

– Нет, – отвечает этот тип, – никакой зацепки. Мы и сами проверили все, что могли. Этот мерзавец исчез, словно сквозь землю провалился. Но он жив. И у него наши деньги.

– Понятно, – киваю я заказчику. – На расходы по поиску мне понадобятся деньги. Судя по всему, в России его уже нет. Необходимо, чтобы вы предварительно заплатили мне двадцать пять процентов обещанной суммы.

– Вы можете гарантировать, что найдете его? – спрашивает этот тип.

– Конечно, нет. Но я могу гарантировать, что сделаю все, что в человеческих силах, чтобы его отыскать.

Незнакомец молчит. Долго. Я не тороплю. Пусть подумает. Несомненно, исчезнувший им очень насолил, если ищут его с таким остервенением. Пусть подумают, стоит ли платить мне миллион долларов. Я полагаю, что стоит. Он, может быть, считает иначе. Пусть подумает.

– Куда вам привезти деньги? – наконец спрашивает заказчик. – Мы можем увидеться завтра на этом месте.

– Нет, – улыбаюсь я. У меня есть свои твердые принципы. Никогда не встречаться ни с кем дважды в одном месте. – Сделаем иначе. Вы приготовьте для меня деньги и его досье, а я вам завтра вечером позвоню.

– Почему вечером? – Незнакомец недоволен.

– А вы успеете за ночь приготовить наличными двести пятьдесят тысяч долларов? – спрашиваю я.

– Это наше дело, – он встает с подоконника. – Позвоните нам утром, чтобы не терять времени.

– Договорились. – Меня ничто не может удивить. Я видел в жизни и не такое.

– Остальные получите, как только позвоните нам и сообщите, где его найти, мы привезем оставшиеся деньги наличными. Если вам нужно, можем перевести их, куда захотите.

– Лучше наличными. Какой у меня срок?

– Небольшой. Десять-двенадцать дней. От силы две недели. Мы надеемся, вы сумеете его отыскать. Глухарь сказал нам, что вы самый лучший специалист в такого рода делах.

– Он всегда немного преувеличивает, – возражаю я, глядя на руки этого типа. На правой – большой перстень с темным камнем.

– Надеюсь, не слишком, – говорит он на прощание и, кивнув, спускается по лестнице. Уже когда тип оказывается на последней ступеньке лестничного пролета, он вдруг оборачивается и говорит: – И еще я надеюсь, что вас нам искать не придется. Было бы слишком накладно искать сразу двоих.

И идет дальше. Я остаюсь у подоконника. Меня еще никто в жизни сильнее не унижал. Я убийца, наемный киллер, лучший в своем ремесле. Но я никогда не был мошенником. Взять деньги и сбежать – это из другой оперы. Придется доказывать этому мерзавцу, с кем он имеет дело. Надеюсь, заказ на его убийство тоже попадет мне. Во всяком случае, я его исполню с большим удовольствием.

ГЛАВА 7

За шесть месяцев до событий

Весь следующий день Рашид Касимов ждал сообщений из Цюриха. Он звонил Мясникову каждые полчаса, требовал информации. Тот ничего не знал, так как посланный в Швейцарию Кондаков на место так и не прибыл. Трижды в отель звонили сотрудники Мясникова, и трижды им любезно сообщали, что указанный господин у них не поселился. Наконец, к пяти часам дня, когда рабочий день уже заканчивался, взбешенный Касимов позвонил Мясникову.

– В чем дело, Кирилл Петрович? – спросил он, с трудом сдерживаясь. – Вам не кажется, что курьер несколько халатно относится к своим обязанностям? Почему он до сих пор не дает о себе знать?

– Я сам не понимаю, что происходит, – нервно ответил Мясников. – Он должен был остановиться в «Дольдер Гранд Отеле», где мы заказали для него номер. Но он там не появился.

– Может, он поехал в другой отель?

– Сейчас выясняем. Моя служба безопасности обзванивает все отели Цюриха.

Касимов почувствовал, что уже не может сдерживаться.

– Значит, он все-таки исчез? – прокричал он в трубку.

– Но мы его ищем.

– Плохо ищите!

– Не орите, – огрызнулся Мясников, – я не виноват, что этот идиот куда-то исчез.

– Может, послать в Цюрих еще кого-нибудь?

– Я уже распорядился, – ответил Мясников, – завтра утром вылетят двое моих сотрудников, у них есть швейцарская виза.

– Завтра последний день, – напомнил Касимов. Бросив трубку на рычаг, он посмотрел на стоявшего рядом Семена. – Они нас обманывают, – сказал он задумчиво. – Может, Кондаков уже переводит деньги в другой банк? Позвони Ринату, пусть приедет.

Ринат Хайфулин возглавлял большое частное детективное агентство, состоявшее из бывших сотрудников КГБ и МВД. Он всю жизнь проработал в МВД и, выйдя на пенсию в чине полковника, решил, что пора заниматься собственным делом. Ни для кого не было секретом, что многочисленные детективные агентства и охранные бюро, возникавшие повсюду в городе, на самом деле становились своеобразными официальными организациями рэкетиров и вымогателей. А бывшие профессионалы переключались на охрану тех самых людей, которых они раньше преследовали.

Касимов принял Хайфулина на своей знаменитой даче, о которой ходили легенды. Построенная за несколько месяцев, она обошлась хозяину в полтора миллиона долларов и включала такие достижения техники, как небольшую хлебопекарню и роскошную сауну, отделанную финскими специалистами.

Хайфулин приехал ровно в семь вечера, как и договаривались. К этому времени Мясников, позвонивший снова, подтвердил, что все поиски Кондакова не увенчались успехом и завтра утром в Цюрих вылетят его сотрудники. Касимов, уже не удивлявшийся такому сообщению, молча выслушал банкира и так же молча отключился, решив, что нужно выждать до утра.

Приехав на дачу, Хайфулин прошел вместе с начальником охраны в гостиную, где Касимов обычно принимал гостей. Был он высокого роста, с одутловатым лицом и характерным азиатским разрезом глаз. На подбородке виднелся рваный шрам, делавший его мрачное лицо мужественным и строгим.

– Зачем позвал, Рашид? – спросил бывший полковник, усаживаясь в кресло напротив. Они дружили уже много лет, еще с тех времен, когда капитан милиции Хайфулин прикрывал махинации Касимова в Москве.

– Очень важное дело, Ринат, – угрюмо сказал Касимов. – У нас исчез человек, и я подозреваю, что он нас обманывает. Либо меня обманывает его хозяин.

Хайфулин плеснул виски в стакан. Он любил пить виски неразбавленным, не понимая, почему его нужно смешивать с другими напитками.

– Можно узнать, кто его хозяин?

– Кирилл Петрович Мясников.

– «Эпсилон-банк»? – удивился Хайфулин. – Я думал, вы с ним в приятельских отношениях. Ведь вы партнеры.

– Были партнерами, – усмехнулся Касимов, – но мне не нравится, что они не могут найти своего человека. Ведь не иголка, не мог просто так потеряться. Я этого Кондакова знал. Такой ловкий молодой человек, готовый на любую авантюру. И очень доверенное лицо Кирилла Петровича. Может, его послали, чтобы он там «потерялся». А заодно снял со счета большую сумму денег. Он знает все шифры и коды. Ему выдали все доверенности на проведение операций.

– Впечатляет, – кивнул Хайфулин. – Думаешь, они решили начать свою игру?

– А что им может помешать? Я им слишком доверился. Мне нужны люди, чтобы вылететь в Швейцарию.

– Надо получить визы, – напомнил Хайфулин, – у меня таких людей нет.

– Сам знаю про визы! – заорал Касимов. – Все знаю! Поэтому тебя и позвал. Мне срочно нужны люди, чтобы полететь в Швейцарию. Найди где угодно, хоть из-под земли. Я должен знать, что там происходит.

– Я не смогу найти таких людей до утра. Посольство уже закрыто. А рейс в Цюрих завтра утром. Мы просто не успеем, Рашид.

– Сам знаю, что не успеете, – Касимов отшвырнул от себя стакан, – но мне нужна твоя помощь, очень нужна. Сейчас как раз тот случай, когда нельзя медлить.

– Очень большая сумма? – спросил вдруг Хайфулин.

Заметив характерный жест хозяина, сидевший в стороне Семен встал. Он знал: Рашид Касимов не любит слишком любопытных. Поэтому вышел из гостиной так же бесшумно, как и вошел. Только когда они остались вдвоем, Касимов нехотя произнес:

– Речь идет об очень большой сумме.

– Это я понимаю, – улыбнулся Хайфулин. – О какой именно сумме? Не темни, Рашид, мы с тобой знакомы много лет. Ради миллиона долларов ты бы не стал так нервничать. Я ведь все равно узнаю, какая там сумма.

– Очень большая, – повторил Рашид, – больше ста миллионов долларов.

– А точнее...

– Сто пятьдесят миллионов долларов, – выдавил наконец Рашид. – Они лежат на трех счетах в швейцарских банках. И до завтрашнего дня о них будут знать только два человека. Я и Мясников. Вернее, теперь три.

– Десять процентов мои, – улыбнулся Хайфулин.

– Ты с ума сошел?

– Тогда выпутывайся сам.

Касимов помолчал. Потом заорал на весь дом:

– Элина! Молодая женщина вошла в гостиную почти сразу, словно находилась за дверью.

– Дай нам чай, – приказал Касимов и, когда Элина скрылась за дверью, мрачно посмотрел на Рината: – А ты не подавишься такой суммой?

– Как-нибудь управлюсь. Зато и тебе помогу. Как я понял, Мясников хочет надуть тебя на всю сумму. А я собираюсь помочь тебе вернуть эти деньги.

– Значит, у тебя есть люди с визой?

– Конечно, нет, – улыбнулся Хайфулин. – Я всегда подозревал, что ты не такой умный, каким хочешь казаться. Я просто собираюсь найти людей Мясникова не там, в Швейцарии, а здесь, в Москве. Ведь уже известно, кто именно полетит в Швейцарию. Стало быть, сегодня им дали все указания. Если деньги прячет твой Кондаков, значит, их посылают, чтобы просто обмануть тебя. Если Кондаков действительно пропал и его не могут найти, значит, документы будут продублированы и выписаны на этих людей. Тебе остается только позвонить и узнать, кто именно завтра утром летит в Цюрих. А остальным займусь я сам.

– Умно, – кивнул Рашид, – очень умно, я, честно говоря, о таком не подумал. Твои милицмейские приемы сейчас очень кстати. Звоню Мясникову.

Он поднял трубку, набрал номер личного сотового телефона банкира. Тот ответил не сразу. Очевидно, был занят, и секретарь принес ему телефон для разговора.

– Слушаю, – сказал банкир.

– Это я, – назвалса Рашид, – никаких известий нет?

– Ничего нет. Я уже не знаю, что и думать. У него день рождения через неделю, и он сказал жене, что вернется через два дня. Что там случилось, непонятно. Он в Швейцарию не прилетел.

– Ясно, – напряженным голосом подвел итог Касимов. – Завтра последний день. Кого ты хочешь послать в Швейцарию?

– У нас только двое с визой. Начальник планового отдела Мальчиков и сотрудница внешнеэкономического отдела Суркова. Правда, у него туристическая виза, он собирался лететь на отдых в Женеву. А у нее виза истекает через три дня. До этого она несколько раз была в Швейцарии по нашей линии.

– Мальчиков и Суркова, – повторил вслух Касимов, видя, как ему кивает Хайфулин. – Они знают, что нужно делать?

– Сейчас мы оформляем на них документы, – сообщил Мясников. – Но это, конечно, не Кондаков. Они ничего не будут знать. Я просто поручу им экстренную операцию.

– Они вылетают завтра утром?

– Да, – подтвердил Мясников, – я приказал выдать сотовый телефон, чтобы постоянно быть с ними на связи.

– Нужно было дать такой телефон Кондакову, – проворчал на прощание Касимов, и, положив трубку, спросил у Хайфулина: – Мальчиков и Суркова. Надеюсь, адреса ты сам узнаешь? Но они еще сидят в банке.

– Найдем, – Хайфулин поднялся, – за такие деньги я всю ночь спать не буду, сам поеду дежурить у банка. Все сделаем нормально. Ты мне не сказал одного: деньги нужно перевести или оставить на этих счетах?

– Конечно, перевести, – даже испугался Касимов, – ты только не мешай им. Мне главное знать, что они меня не обманывают с этим Кондаковым.

– До свидания, – Хайфулин пошел к выходу. На пороге стояла Элина с подносом в руках. Бывший полковник милиции подмигнул ей на прощание и вышел из гостиной.

Рашид остался на диване один. Элина подошла к столику, осторожно поставила поднос с чайником, стаканами, сладостями. Он внезапно потянул руку, схватил ее, толкнул на диван. Привыкшая к подобным шалостям хозяина, она не удивилась.

– Наверное, соскучилась? – самонадеянно спросил Касимов. И в этот момент зазвонил телефон. Он недовольно поморщился. Стоявший перед ним аппарат был его личным, «засекреченным» номером, о котором почти никто не знал. Он отстранил молодую женщину, поднял трубку.

ГЛАВА 8

Продолжение событий

По-настоящему одинокими бывают только мужчины. Женщина, даже брошенная, даже не имеющая друга, все-таки имеет свой дом, позволяющий ей замкнуться в нем, как в раковине, свою работу, подруг, свою, относительно независимую или зависимую, личную жизнь. И, наконец, старая дева имеет в качестве своеобразной компенсации свою мораль, за которую она держится изо всех сил, не подозревая, что никто уже давно не покушается на ее нравственные устои.

У мужчины всего этого нет. Конечно, он может найти подружку на ночь или на год, даже на всю жизнь. Неважно, как она называется – жена, любовница, подруга, проститутка. В сущности, все одно и то же. Или это ваша любимая, и тогда все по-другому. Или просто женщина, с которой вы делите постель, независимо от срока пребывания двух тел рядом. По-настоящему мы, мужики, хотим не секса. Это так, для разрядки и куража. По-настоящему мы хотим понимания, материнского тепла, которого почти ни одна женщина нам дать не может. А те, которые могут дать, называются совсем по-другому. Проследите за глазами любой женщины и сразу поймете, о чем я говорю. Глаза женщины при взгляде на своего кавалера бывают пустыми, равнодушными, презрительными, радостными, счастливыми, умиротворенными, даже гневными. Но очень редко – понимающими и прощающими. Такой взгляд обычно бывает у матери, несмотря ни на что продолжающей любить своего сына. Вот нам всем, мужчинам, и хочется такого тепла. И такого понимания. Иногда даже хочется исповедаться и попросить совета.

Может, в каждом из нас подсознательно сидит тот самый человек, который девять месяцев развивался в утробе матери, находясь под ее надежной защитой и питаясь ее соками. Может, мы все время хотим туда снова, в эту надежную обитель, служившую для нас лучшим убежищем в этом мире.

Я часто думаю, что могло случиться с нами, если мы так потом ненавидели друг друга. Даже сейчас, спустя несколько лет после разрыва с моей «благоверной», с ненавистью вспоминаю ее голос, ее постоянные срывы, плач, крики. Эти внезапные истерические приступы били по нервам, обескураживали своей неожиданностью, когда не знаешь, в какой момент она может сорваться. В общем-то, она была нормальным человеком, способным на приятное общение, но стоило сдвинуться какому-то рычажку в ее голове, как она моментально менялась, превращаясь в неуправляемую стерву, уже не соображающую, что происходит вокруг.

Она считала, что всему причиной война и моя инвалидность. А я, разумеется, считал совсем по-другому. Конечно, моя левая рука всегда останется такой, как сейчас, но ведь многие жены получали мужей и в худшем состоянии. Конечно, мы жили плохо, но разве многие семьи не жили еще хуже? По-настоящему семья и дом зависят от женщины, от ее ума и понимания. У моей не оказалось ни первого, ни второго.

И вот к какому выводу я пришел: все материальные блага, обеспеченность семьи, наличие импортных холодильников или загородной виллы не меняют и не спасают положения. В семье или есть понимание, или его нет. Это даже не любовь, это нечто другое. У женщины просто должно проснуться чувство понимания. Если его нет, то ничто в мире уже не спасет эту семью. Допускаю, что рождению Понимания способствует и сам мужчина. Но только способствует.

Может быть, другому мужчине и удалось бы добиться этого понимания у моей бывшей супруги. Мне не удалось, и теперь я часто думаю, что наш брак был большой ошибкой, которую я допустил в своей жизни. А может, если бы не война и не мое ранение, мне бы удалось разбудить в ней это чувство понимания. Очевидно, есть предел переживаний для каждой жен-

щины. Для моей предел был установлен несколько ниже, чем для других, и она сорвалась, не выдержав свалившихся на ее голову испытаний.

Иногда мне кажется, что с Ириной у нас могло бы получиться то самое чувство понимания, которое никак не получалось с моей бывшей женой. Но... не судьба. Ее убили отчасти из-за моей небрежности, и теперь я уже не тот человек. Нет, я не стал машиной, нацеленной на удачу. Я просто стал больше человеком, чем все остальные. Более подлым, более изощренным, более безжалостным и жестоким к себе подобным. Эти качества только человеческие, у животных их не бывает.

На следующий день я встречаюсь с заказчиком уже в другом месте. На этот раз я вижу в его глазах любопытство. Кажется, ему интересно, какими методами я буду действовать. Он тоже мыслит по категории «орел—решка», «попал—не попал», «нашел—не нашел». Он не знает, что существует третий вариант, когда монета падает на ребро. А может, знает? И поэтому так внимательно и заинтересованно смотрит на меня, словно спрашивая – действительно ли я намерен добиться успеха?

– Вот его досье. Здесь о нем собрано все, что мы смогли узнать. Включая его вкусы, любимые напитки, еду, друзей, знакомых, даже с кем он ходил в детский сад, – холодно говорит мой заказчик, передавая довольно объемное досье.

– У него есть родители?

– Думаете, он любит маму больше, чем деньги? – хмыкает собеседник. – У него нет родителей. Есть сестра в Средней Азии. Мы проверяли. Он ей ни разу не позвонил.

В «дипломате» лежали и двадцать пять пачек денег, аккуратно упакованных таким образом, чтобы мой чемоданчик закрывался.

– Мне нужно знать еще кое-какие подробности, – говорю заказчику, – кроме того, что написано в этом досье. Мне нужна ваша консультация.

– Я могу вам помочь? – удивляется собеседник.

– Именно вы. Судя по всему, вы достаточно внимательный человек. У меня есть несколько вопросов, на которые я хотел бы получить ответы. Это поможет в моих поисках.

Он кивает, разрешая спрашивать.

– Вы встречались с ним лично? – задаю я первый вопрос, и он снова кивает, ничего не добавив.

– Первое свойство характера, о котором вы подумали? Его первая, главная отличительная черта, на ваш взгляд?

Он чуть задумался. Затем ответил:

– Хитрость, изворотливость. Скользкий тип, очень хитрый.

– Понятно. Теперь следующий вопрос. Как он ведет себя в обстановке опасности? Отступает или нападает, прячется или прикрывается какими-то обстоятельствами?

– Думаю, скорее он уклоняется от прямого столкновения, чтобы обойти и ударить с тыла. Но он достаточно злопамятен.

– Вы указали в досье, где именно вы его искали?

– Конечно. Все страны, города, дома. Как мы искали, почему, где именно. Все там написано. Но досье вы должны мне вернуть.

Это даже больше того, на что я рассчитывал.

– Конечно. Через два дня вам привезут досье. Назовите адрес, куда именно.

Он не спрашивает, кто привезет. Нет, этот тип определенно – профессионал. И я задаю последний, самый важный, вопрос:

– Как вы догадались, что он жив? Подмененный труп еще не доказательство. Может, просто в морге напутали и выдали не того? В прошлый раз вы сказали, что вам удалось вскрыть его могилу?

Мой заказчик достает сигарету, закуривает и неприятно улыбается.

– Ошибки быть не могло. Но, самое главное, после его смерти неизвестный, но очень похожий на него человек появился в Швейцарии и снял деньги, которые принадлежали совсем другим людям. Вы верите в такие случайности?

– Честно говоря, нет, – киваю я, уже понимая, что его подозрения оправданны. А он продолжает: – Мы искали его по всему миру шесть месяцев. Задействовали для этого сотни людей, обращались к частным сыскным агентствам. Его нигде не могут найти. А он нам очень нужен.

– Представляю, – улыбаюсь в ответ, – если вы готовы платить такие деньги. Надеюсь, не придется искать вас, когда вы должны будете заплатить мне оставшуюся сумму? Было бы слишком накладно – искать его и вас.

Какое-то время он недоуменно смотрит на меня, затем, поняв, что я почти слово в слово повторяю слова, которые он мне сказал при расставании в прошлый раз, начинает смеяться. Он смеется так, словно металлом водят по стеклу.

– Мы в расчете, – отсмеявшись, говорит он, блеснув золотым зубом, расположенным в глубине его неприятного рта. Все-таки тонкие губы бывают у очень злых и мстительных людей. – Но можете не волноваться, деньги будут выплачены исправно.

– А я и не волнуюсь. Пока не получу деньги, вы не узнаете адреса того, кого ищете. Конечно, если я его найду.

Он согласно кивает.

– До свидания. – Я забираю свой «дипломат» и ухожу от этого типа. Он либо бывший руководитель профсоюза палачей, либо бывший директор скотобойни. От него физически пахнет кровью. Ведь у крови есть свой, специфический, запах, который может перебить аромат любого французского парфюма. Мне неприятен этот заказчик. Слишком долго находиться в его обществе очень тяжело. Лучше не видеть его лица.

Вечером я листаю досье. Никаких сомнений нет: эти ребята либо из службы безопасности, либо из других не менее компетентных органов. Все учтено, подшито, проверено. Такое объемное досье я в своей жизни еще не видел. Кажется, они действительно проследили его жизненный путь от рождения до «могилы». И так аккуратно все зафиксировали.

Рашид Амирович Касимов. Родился в Ташкенте, в сорок восьмом году. Отец работал заместителем начальника национального Госбанка. Вот откуда у него такие способности к финансам. Мать была обычной домохозяйкой, что на Востоке встречается часто. Странно, что у них была маленькая семья, всего двое детей. Он и сестра. Хотя нет, был еще брат, который умер в детстве. О нем я тоже нашел информацию.

Учеба в школе, учеба в институте. Женитьба. Родственники жены. Дочь, сын. Переезд в Москву. Открытие разного рода кооперативов. Участие в акционерных обществах. Близость с «сильными мира». Его личные друзья. Фотографии друзей. Его связи с мафией. Откуда они узнали такие подробности? Его любовницы. Неужели за Касимовым столько лет следили? Иначе просто трудно вообразить, какие деньги и усилия вбуханы в это досье. Здесь действительно работали десятки людей.

Его предприятия, его активы. Данные из различных банков. Справки экспертов. Судя по всему, он имел более ста миллионов долларов, из которых в виде недвижимости и разного рода вложений осталось не больше сорока. Остальные деньги так и не нашли. О них не знала даже супруга. Очевидно, их он тоже сумел вывезти заранее. Интересно все-таки, какую сумму он присвоил, если оставшиеся шестьдесят захватил в качестве довеска к основным украденным деньгам? И зачем ему такая куча денег, если он оставил здесь семью? Впрочем, судя по досье, у этого человека патологическая страсть к деньгам. И все-таки мне не совсем понятно. Он был очень состоятельным человеком, бизнесменом, имеющим достаточное количество денег, чтобы не голодать, и, самое главное, имеющим очень хорошие перспективы, чтобы умножить свои активы. Зачем ему исчезать? Почему он решил присвоить чужие деньги, понимая, что в

Россию ему уже не вернуться? Почему пошел на это? Ведь он потерял гораздо больше. Невозможность работать в России и странах СНГ, вынужденное затворничество, уход от семьи. Так во имя чего? Как бы человек ни любил деньги, он не станет отказываться ради какой-то определенной суммы от всего остального в жизни, в том числе... и от других денег, которые получал вполне легальным путем. Этот вопрос я у себя отметил как самый важный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.